

Валерий Безручко-Надион

издатель

**Родина далёкая
и близкая...**

**Моя встреча
с бандеровцами**



Валерий Безручко-Надион

**Родина далекая и близкая.
Моя встреча с бандеровцами**

«Летний сад»

2016

УДК 821

ББК 84(2Рос=Рус) 6-4

Безручко-Надион В. В.

Родина далекая и близкая. Моя встреча с бандеровцами /
В. В. Безручко-Надион — «Летний сад», 2016

ISBN 978-5-00039-265-2

БЕЗРУЧКО ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ Заслуженный артист России, член Союза театральных деятелей, артист, режиссёр, педагог. Окончил Театральный институт им. Щукина и Высшие режиссёрские курсы. Работал в Московском драматическом театре им. А.С. Пушкина. В 1964–1979 гг. – актёр МХАТа им. Горького. В последующие годы работал в Московской Государственной филармонии и Росконцерте как автор и исполнитель литературно-музыкальных спектаклей. В 1979–1980 гг. поставил ряд торжественных концертов в рамках культурной программы Олимпиады-80 в Москве. В качестве режиссёра готовил спектакли, концерты и массовые зрелища как в СССР, так и в других странах – Великобритании, Финляндии, Болгарии, Индии, Пакистане, Сингапуре и др. С 1990 года преподавал в Московском Государственном университете культуры и искусств.

УДК 821

ББК 84(2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-00039-265-2

© Безручко-Надион В. В., 2016

© Летний сад, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валерий Безручко-Надион
Родина далекая и близкая.
Моя встреча с бандеровцами

© Безручко В. В., 2016

Глава первая

Весь перрон гудел, и пассажиры двигались беспорядочно в разные стороны, как муравьи на пригорке. Вымытые, еще мокрые, вагоны с блестящими глазками-окошками радушно приглашали гостей. Проводники с зачехленными флажками в руках улыбались и излучали само гостеприимство. Мама поправляла мне воротничок на рубашке и что-то говорила, говорила... Меня, двенадцатилетнего, в первый раз одного отправляли к бабушке и дедушке в Днепропетровск. Мама, как всегда, была красива и благоухала французскими духами. Мне страшно было оторваться от нее, потому что я был «маменькиным» сынком (а как могло быть иначе при такой красавице-матери), обожал ее и постоянно чувствовал ее необъятную любовь к себе. И в то же время мне не терпелось поскорее сесть в вагон, чтобы почувствовать себя самостоятельным и взрослым. Звали меня Валеркой, официально – Валерием, а уж совсем по-домашнему – Лерчиком.

– Лерчик, передай бабушке, что я буду через две-три недели. Сдадим первый акт, и я к вам, Самосуд (дирижёр оркестра, народный артист СССР) уже дал согласие. Но чего мне это стоило, если б ты знал. Так ей и расскажи, я репетирую оперу «Евгений Онегин», партию Татьяны. Так всё и расскажи всем, а то они обидятся, что мы не приехали вместе.

– Так всё и расскажу, мам.

– Денег вам должно хватить. Кстати, ты их хорошо спрятал? Во вшитом кармашке?

– Но ты же сама зашивала.

– Пиджак не снимай.

– Но я же спарюсь.

– Не спаришься, солнышко. Зато деньги целей будут.

– Мам, ну вот, объявили посадку.

– Будь умницей, не лась на шелковицу, не гоняй поросенка и кур по двору, бабушка скажет – к кому за молоком ходит.

– Мамоchка, я все помню. И думай не обо мне, а о Татьяне.

– Господи, мне обо всех вас думать надо. Давай поцелуемся, скоро увидимся. Дайте телеграмму сразу же, как доедешь.

Я с трудом оторвался и бросился к вагону.

– Один едешь? Доведем! То-то мамаша волнуется.

Мне не понравилось слово «мамаша», но не буду же я с проводницей объясняться. Мальчишество! Я забрался в вагон и встал возле окна. У меня в купе были две женщины с ребенком. Ребенок – не очень хорошо, но могло быть и хуже. Самое интересное наблюдать за перроном за минуту до отхода поезда. Одни бросаются целоваться, другие спешно вскакивают на подножку вагона, третьи, подойдя к окну, кривляясь и строя рожи, пытаются сказать самое главное. О, вспомнил, – это называется «мимикой».

Была у меня и еще одна причина поскорее отправиться в путь. В прошлом году, когда перед самым Днепропетровском поезд въезжает на мост, соединяющий берега, и где Днепр особенно широк и могуч, я в страхе отшатнулся от окна и зажмурил глаза. Мне показалось, что мост так узок, что колеса впустую вращаются над бездной, не касаясь рельсов. Мне казалось, что поезд вот-вот сорвется в Днепр. Я вернулся к окну только, когда мы уже были на другом берегу. Конечно, никому не рассказал о минутной слабости. Но сейчас, год спустя, я рвался к мосту, чтобы проверить себя, будучи уверен, что мост не так уж узок и никогда поезд не сорвется, потому что его строили умные инженеры. Паровоз пыхтел, шипел, явно выражая недовольство этой вокзальной суматохой. Наконец, машинист дал три коротких гудка, и перрон медленно двинулся от меня. Все махали руками, что-то кричали. Я нашел маму, на лице была застывшая улыбка, и она что-то мне говорила. Я почувствовал, как подступают слезы и

быстро взял себя в руки. Это еще что? Ведь я был уже взрослым, еду к родным, где меня так ждут, а мама скоро приедет. Поезд набирал скорость, за окном уже мелькали подмосковные леса, дачи, – короче говоря, летние каникулы начались.

Я стоял в раскаленном чистом белом песке по щиколотку, на небольшом островке в самом центре Каховского моря. На мне были плавки, на голове старая соломенная шляпа с опущенными рванными полями. За моей спиной просматривались очертания Каховской ГЭС.

На левом берегу виднелась деревянная двухэтажная постройка, напоминающая большую лодку или баржу, – это была моя гостиница. Правый берег в дымке, и впереди – одна вода, вода, вода...

Я уже начинал «тлеть» и бросился в воду. Ее утренняя прохлада привела меня в чувство. Центр островка украшал небольшой кусочек зелени. Это был колючий кустарник вперемежку с осокой. Но я обрадовался и этим «джунглям». Вернувшись в гостиницу, обнаружил новых постояльцев. Это были трое англичан-инженеров, приехавших на ГЭС, и с ними – миловидная переводчица.

Когда жара спала, и со стороны Днепра повеяло ветерком, я вышел на террасу. Эта широкая терраса опоясывала всю гостиницу и напоминала палубу, да и сама гостиница походила на древний фрегат. Может так и задумывалось строителями. На палубе были разбросаны плетеные кресла, и я сел в одно из них. Смотрел на тихую гладь воды и думал, что это море затопило десятки деревень, домов, усадеб, построек, тысячи фруктовых деревьев, в том числе и усадьбу моего деда с большим домом, хозяйскими постройками, конюшней и чудесным садом, вишневым и абрикосовым, о котором я слышал от мамы. А дед мой, Азарий Филиппович Надион, был всего лишь мастером – фрезеровщиком на металлургическом заводе им. Петровского. И откуда взялась эта фамилия? Правда, много позже я не раз ее встречал на юге Украины. Как не любопытны мы к своим предкам – и детей воспитываем такими же безразличными. А ведь история страны складывается из историй семей. А хорошо ли мы знаем свою историю, российскую?

Но продолжим. И осталась семья деда с бабушкой и тремя маленькими детьми без дома, без сада и без нескольких ассигнаций в банке, которыми дед очень гордился и в которые очень верил. Хлеба не было тоже. Зато, слава богу, были пока все живы. Бабушка ходила на базар, где продавала последние вещи, дед по-прежнему стоял у станка и получал за это иногда хлеб. Вот о чем я думал, глядя на это море, созданное на человеческих судьбах.

Вышли на палубу и мои соседи. Они восхищались ночным пейзажем, упоительным воздухом и тут же, попросив разрешения, закурили. Я взглянул на переводчицу, сидевшую рядом со мной, и предложил ей пройтись вокруг «корабля». Мы оба не курили. Ночь опрокинулась на нас внезапно, и только небо – ох это украинское небо! – миллионами звезд освещало нам путь. И, видно почувствовав наше восхищение, Космос решил продемонстрировать нам весь свой арсенал. Он включил звездопад. Эти летящие беспорядочно по куполу звездные дуги были с характером. Некоторые, совершая короткий стремительный бросок, быстро сгорали, другие, взвившись в небо по длинной дуге, плавно спускались, рассыпаясь в воздухе, и даже касались Земли, на радость ученым, которые собирали все осколки. Это был вселенский спектакль, не сравнимый ни с чем. Я представил, как Всевышний где-то там, на самой вершине мироздания, как дворник окурки, сбрасывает вниз старые угасшие звезды, астероиды, метеориты и прочие ненужные предметы, очищая небо для новорожденных звезд, для новых жизней.

Мы совершили полный круг вокруг гостиницы и вернулись к своим креслам. Джентльменов уже не было. Моя спутница, ее звали Женя, тихо сказала: «Такой ночи я еще не видела». Я молчал и смотрел в бездну Космоса, чувствуя себя его неотторжимой частицей. Я мог быть яркой звездой, едва ощутимым дыханием, принесшим запахи Днепра и садов, нежным плеском прибрежной волны... Женя зябко поежилась, и я обнял ее за плечи. Она, как ребенок, тесно прижалась ко мне, ища тепла. Мы оба настолько были подавлены величием ночи, что

почти не разговаривали. Наконец, встали и подошли к моей комнате-каюте, я открыл дверь и пропустил Женю вперед. Мне казалось, что из Вселенной какая-то звезда наблюдала за нами.

На следующее утро позвонил администратор, сообщил, что концерта сегодня не будет и спросил, не хочу ли я съездить на плантацию помидоров, посмотреть, как их собирают и «откушать» борща, который девчата варят себе на обед. Я с радостью согласился. «Газик» подкатил нас прямо к зеленому полю, по которому, как пестрые бабочки, были разбросаны косынки колхозниц. Они сидели на корточках, собирая с кустов крупные, с ладонь, помидоры. Время от времени вставали, выпрямлялись, потирая спины, и вновь сгибались над кустами. Нелегкий труд. Мы пошли по краю поля к деревянному навесу, под которым стоял длинный стол с лавками. В этот момент повариха стала бить молотком по подвешенному куску рельса, созывая всех на обед. Колхозницы потянулись к нам.

– Ой, дивчины, и що це буде?

– Який артист с самой Москвы.

– Тю! Тільки одын?

– Нас же вин скільки!

Все дружно захохотали.

Я сел в окружении девчат. На стол поставили несколько буханок хлеба, уже порезанных, и каждому – большую миску с борщом. В борще плавал немалый кусок мяса. После многочисленных вопросов и разговоров «за жизнь» я почитал им А. Пушкина и Т. Шевченко. Валял дурака, рассказывал московские анекдоты. На следующий день я уезжал в Херсон.

Глава вторая

Итак, как вы помните, я стоял, прильнув носом к окну. Три коротких гудка, и перрон стал уходить из-под ног. Провожающие что-то кричали, махали руками. Я нашел в толпе маму. У нее было застывшее лицо, и она не спускала с меня глаз. Я почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы, но тут же взял себя в руки. Я ехал к своим родным, которые меня ждут, в старенький выбеленный дом с большой печкой, к любимому мной двору, по которому бегали куры, собачка Жучка и поросёнок Васька редкого окраса, из-за которого дед ни за что не хотел его резать. Меня ждало многое, что известно было только мне. Поезд набирал скорость, за окном проносилась дачная Москва, и я все больше приближался к нему, к моему призрачному мосту, которого я больше не буду бояться, потому что он очень крепкий, широкий и построен умными инженерами. Ночь я спал под перестук колес, они даже придумали для меня песенку: «Спи спокойно, Лерчик, мы стучим по рельсам, рельсы же на шпалах, шпалы на земле». Утром я проснулся от выкриков проводницы: «Чай! Кому горяченького чайку!». Быстро умылся, позавтракал.

До встречи с моим «противником» было часа два. Я думал только о нем, в глубине души побаивался этой встречи и в то же время торопил ее. Своим еще не окрепшим умом я понимал, что мост рассчитан на гигантские грузы, что я для него просто пушинка, что он и не подозревает о моих страхах. Так я настраивал себя, верил, что при встрече с мостом сам во всем разберусь, и мы с ним станем друзьями. Эти мысли варились в моей голове, время бежало быстро и громкий крик проводницы «Собираемся, граждане пассажиры, скоро Днепропетровск!» пронзил меня насквозь. Я выскочил в коридор и прильнул к окну. Паровоз заметно убрал скорость и осторожно втягивал состав в русло моста. Теперь я пристально смотрел на колеса, вцепившись руками в оконную раму. Колеса медленно, уверенно двигались по рельсам, между ними и металлическим ограждением было не менее полутора метров. Эта пограничная полоса была засыпана гравием, видимо для того, чтоб по ней мог ходить путевой обходчик, и не дай Бог пройти диверсанту. На середине моста проехали мимо застекленной будки, в которой сидел вооруженный боец, внимательно разглядывая каждый вагон. Теперь я себя чувствовал взрослым пассажиром, а не сопливым мальчишкой, как будто мощь моста передалась мне.

Тем временем паровоз втягивал вагоны уже на другой берег, все больше ускоряясь. Мелькали служебные постройки, составы, вагоны, переведенные на запасные пути, одним словом – Днепропетровск встречал московский литерный. Затем для остроты и собственного авторитета паровоз громко загудел, засвистел, зашипел, выпуская лишние пары и, довольный своей работой, замер. В репродукторах рявкнул праздничный марш, по перрону опять забегали растерянные встречающие. Кто-то громко кричал, размахивая букетиком цветов, кто-то платочком утирал глаза, а я крутил головой, ища своих. Первым появился Валерка, мой младший двоюродный брат, названный так в «мою честь» бабушкой, потому что, когда он родился, шла война, и семья была разделена, находясь в полной неизвестности, и на всякий случай бабушка решила, что второй Валерка семье не помешает. Так вот второй Валерка подпрыгивал, размахивал руками, кричал что-то мне и тому, кто за ним никак не поспевал. Затем появилась тетя Наташа, мамина сестра, взволнованная, все время оглядываясь назад, потому что за ней еле передвигая больные ноги, в неизменной тужурке и кепке, шел дед.

Редкими удобствами встречал нас город. Прямо с вокзальной площади шел трамвай до Далекой улицы, то есть до конца. Пересечь весь город, не расставаясь с занятым местом, выйти на конечной, пройти по деревенской улице, войти в калитку с № 28 – и ты уже в родном дворе. Такие удобства надо ценить. Ну а пока дряхленький, вздыхающий на каждом повороте, трамвай пересекал самый центр города, я смотрел в окно и видел ровную серую линию старых домов, в основном в четыре-шесть этажей и не одной новостройки. Однообразие улицы

изредка нарушали «ископаемые юрского периода» – грязные, нечищенные, чудом пережившие войну, особнячки, некогда принадлежавшие местным зажиточным гражданам. Въехали на центральную площадь, на которой, по чьему-то недомыслию, а скорее с «преступной целью», вместо памятника Ленину на мощных опорах был воздвигнут плакат-панно с тремя жгучими блондинками, которые, зловеще улыбаясь, держа друг друга за толстые плечи, ехали на одноколесных велосипедах, как бы показывая, что в трудное послевоенное время наш народ и на одном колесе покатит. Аршинными буквами упоминалось, что это знаменитые сестры КОХ. Я видел этот щит еще прошлым летом, его не меняли, лишь чуть-чуть подкрасили, похоже сестры здесь прописались на всю жизнь. Но самое волнующее находилось левее сестер КОХ – деревянный одноэтажный кинотеатр «Авангард», где мы с Валеркой смотрели немецкие трофейные фильмы вроде «Коричневой паутины», «Дитя Дуная» и других. Смотрели раз по пять. Это было лучшее развлечение, которое дарил нам город.

Теперь я хочу сделать небольшое лирическое отступление. Прыгнем вперед, лет на... десять. С Далекой 28 – в сегодняшнюю Москву, и представим, какой она покажется жителю той полудеревенской-полугородской улицы, куда мы ехали. Перейти пожилому человеку улицу, на которой дома-гиганты закрывают половину неба над головой и под ногами проносятся электропоезда, четырехполосное движение машин, похожее на трассу смерти, неизвестно где установленные подземные переходы со ступеньками, представляющими угрозу для жизни при нашем климате круглый год – все это самого человека превращает в машину, думающую лишь о том, как бы не оказаться под колесами или от напряжения не рухнуть на этом самом месте. Разумеется, я говорю о пожилых людях: молодежь быстро привыкает ко всему новому и старый уклад жизни ей становится смешным. И как же нам, зрелым людям с ней, с молодежью, сосуществовать в условиях нового московского ПРОЕКТА?

Мне милее старый, каким я его помню, Днепропетровск, пропыленный южными ветрами, дышащий днепровской водой и пахнущий арбузами, абрикосами и вишнями. Эх, любезный читатель, во все времена была эта нестыковка поколений. Давно я не бывал в этом городе, но полагаю, что совсем другим воздухом дышат нынешние горожане. А уж чем потомки задышат лет через пятьдесят – одному Богу известно. Скорее всего, через противогазы.

Другим очень нравится металлически-стеклянная, забензиненная Москва, денежная, официозная, наглая. А старые, древние города все более превращаются в призраков, уходящих в «придуманное для них» прошлое – отстойник: через их развалины будут возить интуристов.

Это и есть смена эпох, смена поколений. Каждое поколение тянется в свою эпоху, хочет жить и умереть в ней. С раннего детства мы вырастаем в свой уклад жизни и очень редко что-то воспринимаем из наступившей эпохи. Чужая мне сейчас эта сахаро-рафинадная показушная Москва. Кто-то спросит: «Что же, остановить прогресс? На месте автора я б обратился к врачу». Что ж и обращусь, и пусть меня полечит. Хотя моя болезнь лечению не поддается и называется она «тревогой о будущем». Я не против урбанизации городов, куда мне! – «человечку», спорить с Великой Диалектикой Природы, но хорошо бы знать меру и сохранить чувство ответственности нам, людям. Оставьте в городах-гигантах островки старины, только пусть над этим честно, профессионально поработают реставраторы – ученые, а не жуликоватые чиновники-показушники, пусть жители, хоть в размерах этой отпущенной им старины, подышат воздухом хоть и «воссозданного» прошлого, воздухом незагаженного соляровкой и химическими отходами города. Вы понимаете, что я говорю в первую очередь о крупных промышленных центрах, средние и небольшие города России пока еще чувствует себя в относительном забвении. Их просто забыли. Может, в будущем они найдут свою верную линию развития, как это произошло во многих городах мира. Представляю, как на меня набросятся некоторые читатели, но это только мое личное мнение. Хотя и не обещающее никаких грез и упований.

Тем временем трамвай дотянул до конечной. Выходите. Вот вам – Далекая: длинная, утопающая в садах, с белыми домами-мазанками, колодцами, лающими из-под заборов собаками

и без единого признака асфальта. Граница между двумя поселениями – городом и деревней, но уже с полными признаками деревни. И где-то в самом конце – скромный, если не сказать бедный двор под № 28. О це уже наш! Можно входить.

Что ни говори, но удобней точки для наблюдения, чем верхушка шелковицы, не было. Снизу ее уже всю объели, но на верхушку никто лезть не отважился, даже «малой», (так все называли младшего Валерку с ударением на второй слог), крупные черные ягоды создавали надежную защиту от чужих глаз. Это мне раньше так казалось. На самом деле дерево просвечивало насквозь, так как мягкие, похожие на малину, ягоды при легком прикосновении тут ж осыпались и их вкуснейший синий сок уходил в землю, превращая ее, в моем воображении, совсем-совсем в инопланетную. А сок-то был не просто синим, а с легким кровавым оттенком, что еще больше подогревало мое воображение. Я так подробно об этом рассказываю, потому что видел шелковицу в первый раз. Она растет по всему югу России, но в двенадцать лет я, городское создание, этого не знал, в Москве она не росла, во всех местах произрастания ее называют по-разному, официально же – «тутовое дерево».

Теперь вы понимаете, какое впечатление произвело на меня в тот первый раз это дерево, что сейчас перерыл не один словарь, чтоб узнать ученое название. Но к шелковице мы еще вернемся. Я до сих пор помню, как ею напробовався и у меня разболелся живот. А сейчас пытался залезть на самую верхушку. А уж углядеть оттуда можно было многое. Не только весь свой двор, как на ладони, но и соседские дворы тоже. Но стоило мне выдать свое присутствие, как тут же раздавалось:

– Ой, гляньте, люди добрые, москвич опять на позиции сидит. А ну, слазь, вражий сын, нэма чого тут усматривать!

– Очень мне нужно, – приходилось раскрываться, – я на своем дворе курицу ищу.

– Та не дывысь ты на них! – вступала в разговор бабушка, – Было б на що дывытсья.

И я, выждав для приличия некоторое время (не сразу же сдавать позиции), нарочито медленно слезал на землю. Сегодня просто не повезло – рано заметили, а так мог и до обеда просидеть. Другого дела на сегодня еще не придумал, на улицу выходить не хотелось, с соседних дворов сразу бы закричали:

– Гляньте, хлопцы, никак москаль выполз.

Это они поддевали меня поначалу, пока еще не привыкли к моему приезду. Но очень скоро привыкнул и перестанут меня замечать, я стану «своим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.